УДК 94(47).084.1
DOI: 10.24411/2311-603X-2018-00074

Д. А. Бажанов

Органы революционного самоуправления на кораблях Балтийского флота в марте–июне 1917 г.: создание, функции, взаимоотношения*

Февральско-мартовские события 1917 г. привели к стремительным изменениям во всех сферах жизни общества. Они поставили на принципиально иной уровень взаимоотношения общества и власти. Если в традиционной системе легитимность доминирования государства базировалась, как это показывал в своих работах М. Вебер[2], на авторитете традиции и лидера и на признании за государством права на применение силы по отношению к индивиду, то в период революции эта система меняется. Одним из выражений этого процесса можно считать создание альтернативных органов власти. В вооруженных силах примером такой альтернативной власти стали общие собрания личного состава частей и комитеты. Данные органы неоднократно попадали в поле зрения исследователей.

[1]

Первые свидетельства о роли комитетов в управлении флотской жизнью принадлежали современникам. Представители командного состава оценивали комитеты как негативное явление. Обычно их критиковали с позиции подрыва принципа единоначалия и провоцирования недоверия к офицерскому составу, а в перспективе — как угрозу разложения военного организма[3]. Иначе оценивали комитеты представители революционной интеллигенции, связанные с армией. Они признавали пользу, которую принесли комитеты в вопросе сохранения, пусть даже только на определенном этапе, боеспособности армии, решения конфликтов между нижними чинами и командным составом[4]. В 1930-е гг. о комитетах стали упоминать гораздо реже. Это было связано с рассмотрением их через призму исключительно политической составляющей, сводившейся к борьбе партий. Закреплялся подобный подход и в «Истории гражданской войны». В первом томе, охватывающем март–октябрь 1917 г., упоминания о комитетах встречаются дважды. В первом случае речь идет о них как о важнейшем следствии Приказа № 1 Петроградского совета, способствовавшем укреплению советского влияния на полки столичного гарнизона. Во втором отмечались успехи большевизации армии, начавшиеся именно с «завоевания низовых солдатских организаций». Это привело к тому, что «полковые, ротные и другие комитеты, отражавшие настроение масс, постепенно оказывались на их стороне»[5]. Таким образом, комитеты представлялись на определенном этапе революции как средство политической борьбы партии большевиков и классового противостояния рядовых и командного состава. Сводя их роль к названным аспектам, советские исследователи оставляли их функционирование, вопрос их авторитетности для военнослужащих вне поля своего внимания[6].

Специальное исследование создания и первых шагов комитетов провел В. И. Миллер. Он проанализировал распространение этой формы самоуправления в Петрограде и на фронте, отметив три волны создания комитетов. Первая была вызвана известиями о революции в Петрограде, вторая — распространением Приказа № 1 Петроградского совета, третья явилась следствием попыток военного командования сохранить власть в своих руках, используя для этого выборные организации. Комитеты сильно различались своей компетенцией, составом и даже степенью власти. В целом для Миллера выборные организации оставались элементом политической борьбы за армию[7].

Важнейшим исследованием истории комитетов является двухтомник А. К. Уайлдмана. Американский исследователь также подчеркнул, что с помощью комитетов удалось очень быстро восстановить порядок в воинских частях. Однако он показал, что выбирались в солдатские организации интеллигенция и городские средние слои («комитетский класс»). Представители этих социальных групп очень сильно отличались от основной крестьянской массы солдат и сделались основным проводником идей умеренных социалистов. Они очень быстро перестали быть выразителями интересов своих выборщиков, что привело к их отчуждению, в особенности после провала летнего наступления на фронте[8].

Некоторое внимание деятельности судовых комитетов уделил в своей работе Н. Саул. Он, следуя традициям русской эмигрантской литературы, представлял их как «передаточный механизм» между командным и рядовым составом, который впоследствии нарушил равновесие, сложившееся в первые месяцы[9].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00466.

Вопрос о механизме образования и связей с экипажами, которые и делали комитеты столь влиятельными, остался им не рассмотрен.

В современной историографии революционного движения вопрос о создании и функционировании комитетов скорее является периферийным. Исследователи преимущественно сосредоточились на изучении роли командного состава в революции и распада военного организма[10]. Исключение представляют работы К. А. Тарасова, в которых проанализированы общеполковые собрания и комитеты частей столичного гарнизона как часть механизма воздействия радикальных партий на солдат[11].

Создание и полномочия комитетов

Появление первых выборных организаций моряков относится к периоду Февральской революции. Первым кораблем, на котором образовался судовой комитет, был крейсер «Аврора». Учитывая, что он ремонтировался на Франко-Русском заводе в Петрограде, т.е. в центре революционных событий, это и неудивительно. 28 февраля при конвоировании в Думу толпой солдат был убит командир крейсера, капитан I ранга М. И. Никольский, и тяжело ранен старший офицер, старший лейтенант П. П. Огранович. Встал вопрос о новом командире. Судя по имеющимся материалам, 1 марта на крейсере по этому поводу было проведено общее собрание экипажа. Им руководил лейтенант Н. К. Никонов. Общее собрание и провело избрание судового комитета, а также командира и старшего офицера[12]. Необходимо отметить, что в этом случае механизм в целом соответствовал тому, который реализовывался в некоторых полках Петроградского гарнизона, т.е. общее собрание подменило собой власть командира.

Дальнейшая организация комитетов на кораблях Балтийского флота протекала неодинаково. Основанием для создания подобных органов власти также стал Приказ № 1. Однако целый ряд авторов указывают на «стихийность» создания этих организаций[13]. После начала мятежа на главной военно-морской базе — Гельсингфорсе, т.е. вечером 3 марта, на линейных кораблях «Император Павел I» («Республика») и «Андрей Первозванный» представители командного состава оказались либо под арестом, либо блокированы в кают-компании. На «Павле I», по воспоминаниям мичмана Тиканова, меньше чем через 15 мин. к арестованным офицерам пришел «уполномоченный командой» машинный унтер-офицер Г. Корнев. Он сообщил, что «они», т.е. сам Корнев и другие «уполномоченные», «всё взяли в свои руки». После этого он забрал ключи от офицерских кают и ушел[14]. Другим важным событием, способствовавшим созданию выборных судовых организаций, следует считать собрание представителей экипажей, созванное командующим флотом вице-адмиралом А. И. Непениным, судя по воспоминаниям очевидцев, между 20 и 21 ч.[15] Было предложено избрать по два представителя от корабля и направить их на штабной корабль «Кречет».

Вероятно, именно вместе с этими выборами рядовой состав на некоторых кораблях избрал своих представителей в комитет. В частности, речь идет о линейном корабле «Гангут», где, по воспоминаниям электрика I статьи Д. И. Иванова, экипаж к этому поощрил командир, капитан I ранга П. П. Палецкий[16]. На других линейных кораблях 1-й бригады командиры отношения к этому не имели. Однако на «Петропавловске» начальник бригады контр-адмирал М. К. Бахирев после ареста офицеров, т.е. ночью 4 марта, вел переговоры с уже избранными в судовой комитет ротными представителями[17]. К утру комитеты были созданы на линкорах 1-й и 2-й бригад, на крейсере «Диана».

Утверждение, что основой для создания этих комитетов стала деятельность Петроградского совета, представляется необоснованным. Однако влияние Приказа № 1 на появление комитетов в дальнейшем косвенно проследить можно. Так, в Риге он был получен уже 2 марта, размножен и направлен в воинские части[18]. Были и иные пути проникновения документа на Северный фронт. В Двинск его привезла делегация Петросовета 5 марта[19]. Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-адъютант М. В. Алексеев еще раньше, 4 марта, доносил, что «приказ этот распространяется в воинских частях и вносит смущение в умы». Он подчеркнул, что комитеты повсеместно смещают и арестовывают воинских начальников[20]. 8 марта штаб Северного фронта сообщил в Ставку, что во всех частях идет обсуждение Приказа № 1[21].

В этот же период первые выборные комитеты появлялись в городах Финляндии, где были расквартированы гарнизоны и флотские команды[22]. В Гельсингфорсе в наиболее полно дошедших протоколах заседаний комитета штабного корабля «Кречет» было зафиксировано: «Комитет, выбранный согласно пожеланию Исполнительного комитета Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта, собрался 10 марта...»[23]

На других базах Балтийского флота образование органов самоуправления произошло позднее. В Кронштадте утром 1 марта, т.е. после окончания кровопролития, приведшего к гибели или аресту большинства командования гарнизоном и портом, был избран координирующий орган — Комитет движения. К вечеру он стал высшим органом революционной власти. Через два дня выделенный из его состава Совет десяти в присутствии назначенного комиссаром ВКГД и Временного правительства В. Н. Пепеляева принял проект организации гарнизона, одобренный в тот же день постановлением Собрания представителей гарнизона Кронштадтской крепости[24]. В п. 1 было указано, что «для устройства внутреннего быта отдельных частей каждая часть избирает комитет части»[25], что соответствовало Приказу № 1, о котором в Кронштадте уже были оповещены. В тот же день стали создаваться комитеты в экипажах и учебных командах, а также и на кораблях, стоявших в Кронштадте. Процесс этот, по-видимому, растянулся до 5 марта. Именно этим днем датировано наиболее раннее постановление комитета линейного корабля «Император Александр II» («Заря Свободы»)[26].

В Ревеле 3 марта на учебном судне «Петр Великий» представителями морского командования совместно с прибывшими из Петрограда было созвано общее собрание судовых делегатов. На нем председательствовали комиссар Временного комитета Государственной думы (ВКГД) И. Т. Евсеев, а также старшие по должностям военно-морские начальники, контр-адмирал В. К. Пилкин и контр-адмирал Д. Н. Вердеревский. Результатом деятельности собрания стало принятие декларации о доверии Временному правительству, а также был намечен план дальнейших изменений жизни военных моряков[27]. 5 марта для решения текущих вопросов общее собрание постановило создать исполнительный орган — Местный флотский комитет (МФК). Впервые речь о создании ротных и судовых комитетов на кораблях Ревельской базы идет в совместной телефонограмме контр-адмирала Пилкина и МФК от 7 марта, которой экипажам запрещалось заниматься сигналопроизводством кроме военного. Ответственным органом назначались представители комитета на кораблях и в частях вплоть до создания судовых и ротных организаций[28]. Процесс избрания комитетов в частях Ревеля тогда и начался, что подтверждают и даты протоколов первых заседаний. Так, 8 марта прошло первое собрание представителей экипажа на минном заградителе «Волга», 12-го — на крейсере «Баян», а 15-го — на крейсере «Богатырь»[29]. В то же время основанием для решения об избрании комитетов, по-видимому, являлся Приказ № 1, так как в упоминавшейся телефонограмме была отсылка к постановлению Совета рабочих и воинских депутатов Ревеля[30].

Своеобразно процесс создания комитетов начался на кораблях, зимовавших на Моонзунде. Находясь в информационной изоляции, экипажи линейного корабля «Цесаревич» («Гражданин») и крейсера «Адмирал Макаров» 4 марта принимали первые решения на общем собрании личного состава. Этот орган самоуправления возник стихийно после оглашения телеграфистами секретных телеграмм об отречении Николая II и самовольного выхода экипажей на лед. 6 марта команды приняли решение выделить в качестве исполнительных на каждом корабле комитеты, а также создать единые для всего соединения дисциплинарный и хозяйственный комитеты[31]. На следующий день эта конструкция власти изменилась. 7 марта на Моонзунд прибыли представители из Ревеля, депутат Думы И. Т. Евсеев и представители Общего собрания судовых делегатов унтер-офицеры Фрунтов и Тютчев, а также инженер-механик лейтенант Цируль. Они познакомили команды с положением дел, а также с постановлениями Общего собрания и МФК Ревеля. После этого на общем собрании экипажей было принято решение об избрании полноценных судовых комитетов на каждом корабле, началось и выдвижение делегатов в комитеты[32].

Становление комитетов на кораблях Балтийского флота проходило после победы революции, являясь элементом новой власти. По этой причине вопрос о структуре и полномочиях комитетов решался в менее конфликтной обстановке, чем это было в столице. Важнейшую роль сыграла деятельность так называемого Соединенного комитета 2-й бригады линейных кораблей. Его заседания проходили с 11 по 18 марта поочередно на линкорах 2-й бригады, стоявших в Гельсингфорсе. На втором заседании (14 марта) было выработано и принято «Положение о судовых комитетах», предусматривавшее единый порядок выборов в комитеты: каждую роту представляли 2 чел., число выборных от офицеров составляло столько же. На флагманских кораблях еще один депутат выдвигался от штаба соединения. Члены комитета выбирались сроком на два месяца. В случае недовольства действиями своего депутата рота могла его переизбрать, но не ранее чем через месяц. Отказаться от избрания мог лишь тот, кто пробыл членом комитета 6 месяцев без перерыва, т.е. проходил выборы три раза подряд[33]. Дополнительную авторитетность придало этому «Положению» утверждение его в конце марта матросскими делегатами Гельсингфорсского совета[34].

16 марта на втором заседании делегатов штабного корабля «Кречет» было предложено «приветствовать Соединенный комитет 2 бригады линейных кораблей, выразить готовность идти навстречу их благим пожеланиям и полную солидарность по всем пунктам заседания 14 марта»[35]. В соответствии с «Положением» 21 марта на общем собрании команд довыборы офицеров в комитет были произведены на «Гражданине» и «Адмирале Макарове»[36]. В апреле соответствующие перевыборы производились на кораблях в Ревеле: 8 апреля — на минном заградителе «Волга», 15-го — на «Баяне»[37]. Судя по отметке в протоколе заседания судовой организации «Волги», распоряжение о «поротных выборах» исходило из Местного флотского комитета, также опиравшегося на приведенное «Положение» и затем доработавшего его. К этой схеме пришли и в Кронштадте. Так, на «Заре Свободы» «довыборы и перевыборы» состоялись 13 апреля. Разница состояла в том, что представителя от командного состава также предлагал экипаж. Им стал избранный 2 марта командиром лейтенант А. А. Кондратьев[38].

«Положением» определялось разграничение сфер деятельности командиров кораблей и судовых комитетов. Командный состав сохранил права безусловного управления в боевой ситуации, управлял процессом обучения специалистов, всеми средствами связи, представлял к поощрениям и наградам, устанавливал сроки увольнения на берег и выполнения внеочередных работ. Комитеты отвечали за хозяйственное обеспечение матросов и унтер-офицеров, поддержание дисциплины, осуществляли разбор жалоб.

Следующей вехой стал I съезд моряков Балтийского флота (25 мая — 15 июня, Гельсингфорс). 8 июня структура и полномочия комитетов всех уровней были подтверждены в «Положении о корабельных комитетах», утвержденном съездом на основании проекта, подготовленного Центробалтом[39]. Оно практически дословно повторяло пункты о выборах и сроках деятельности комитетов, а также об их функциях, сформулированные в «Положении» 14 марта. Это не должно удивлять, если принять во внимание, что видную роль в подготовке проекта ЦКБФ сыграли депутаты от линкоров, Н. А. Ховрин и А. С. Штарёв. Таким образом, на Балтике судовые организации весной–летом

1917 г. не рассматривались как органы политической власти. К тому же между их полномочиями и правами командиров и офицеров было проведено довольно четкое разграничение, предусматривавшее сотрудничество в деле управления жизнью экипажей. Это, в свою очередь, объясняет отсутствие на данном этапе прямых конфликтов между комитетами и командирами кораблей.

Для судовых комитетов хозяйственное направление деятельности стало основным. На собраниях Соединенного комитета 2-й бригады линейных кораблей Балтийского флота обсуждался вопрос о полномочиях комитетов. В соответствии с «Положением», принятым 14 марта, основной задачей этих органов самоуправления определялись «распорядительные функции по кормлению, по здравоохранению, просвещению» команд, только затем упоминалось их «политическое образование»[40]. В Ревеле Местный флотский комитет также подчеркивал приоритет хозяйственной деятельности комитетов[41].

В первые месяцы вопросы улучшения питания рядового и унтер-офицерского состава кораблей привлекали к себе самое серьезное внимание делегатов комитетов. Радикальнее всего подошли к решению вопроса на линкоре «Заря Свободы», базировавшемся в Кронштадте. Члены комитета на первом же заседании 5 марта выработали новый рацион питания для команды, включив в него ежедневно по одному мясному блюду либо на обед, либо на ужин[42]. Если принять во внимание, что с осени 1916 г. экипажи имели по 3 постных дня в неделю, то улучшение качества представляется весьма значительным. Однако и в других базах флота комитеты стремились весной 1917 г. к увеличению норм потребления командами мяса, яиц, сахара[43].

Обращали внимание комитеты и на вопросы обеспечения обмундированием и моющими средствами. Однако здесь их успехи были весьма скромны, так как получить их напрямую они не могли: запасы на интендантских складах флота в Ревеле и Гельсингфорсе были незначительны[44]. Комитеты крупных кораблей пытались решить данные проблемы через организацию мастерских для починки и ремонта обуви и одежды. Такие мастерские были созданы в марте–апреле на линкорах «Заря Свободы», «Гражданин», «Гангут», «Севастополь», минном заградителе «Волга»[45].

Судовые комитеты на кораблях Балтийского флота поставили весной 1917 г. под свой контроль распределение финансов. Важным условием стал переход в их руки уже в марте функций ревизоров. Также судовые делегаты добивались права распоряжаться так называемыми «окрасочными» (т.е. полученными в результате участия команд в ремонтных работах своих кораблей от заводов-подрядчиков) суммами. В Гельсингфорсе этот вопрос был окончательно решен местным Советом 23 марта. Его исполком разрешил расходовать эти деньги по усмотрению судовых комитетов, правда, высказывалось пожелание, чтобы они были употреблены «на культурно-просветительские нужды своих команд и частей»[46].

Помимо хозяйственной деятельности судовые комитеты уделяли значительное внимание вопросам поддержания дисциплины на кораблях, получив

широкие полномочия в этой сфере. В соответствии с «Положением о судовых комитетах», матросы имели право обжаловать через судовой комитет скромный перечень наказаний, оставшихся в арсенале офицеров и командира. Например, объявление выговора (командирского в приказе, офицерского — на словах) и присмотр за провинившимся на срок не более одного дня[47]. На практике весной 1917 г. комитеты оставили за собой следственные функции при разборе конфликтов и преступлений, взяли под свой контроль дисциплинарные проступки, совершаемые рядовыми и унтер-офицерами. В следственной деятельности комитеты пытались опереться на вышестоящие органы революционной власти. В первую очередь речь шла о местных советах. На заседании Гельсингфорсского совета депутатов армии, флота и рабочих 6–7 марта было принято решение о создании в нем секций, в том числе секции охраны народной свободы, в состав которой входила и следственная комиссия[48]. Результаты расследований на кораблях, базировавшихся в столице Финляндии, стали поступать в эту секцию. Так, например, поступил комитет посыльного судна «Миноносец № 104», отправивший претензии в грубом обращении с членами команды со стороны бывшего командира, старшего лейтенанта Н. В. Гамильтона[49]. В Ревеле эту роль стал играть МФК. Например, 4 апреля судовой комитет крейсера «Рюрик» сообщал о задержании на корабле переодетого в матросскую форму рабочего В. Витмана. Следственные материалы были направлены в МФК[50]. С мая 1917 г. комитеты стали передавать результаты своих расследований в Центральный комитет Балтийского флота[51].

Круг деятельности выборных организаций ограничивался наблюдением за дисциплиной и порядком, контролем над хозяйственной деятельностью, принятием мер против злоупотреблений и превышения власти со стороны должностных лиц, улаживанием недоразумений между солдатами и офицерами, содействием культурному развитию и спорту, а также подготовкой к выборам в Учредительное собрание[52]. Тем самым речь шла о том, что комитеты не должны были стать полноценными органами власти, становясь ее «соучастниками» через сотрудничество с командным составом, выполняющим свои обязанности.

Роль общих собраний личного состава

Революционные события дали толчок к складыванию и постепенному развитию своеобразных «органов прямой демократии» среди военнослужащих. Речь идет о таком своеобразном институте, как общие собрания. Появление общих собраний относилось еще к первым дням революции в Петрограде. Они выбирали членов батальонных комитетов и принимали решения об удалении неугодных офицеров. На кораблях Балтийского флота, начиная с «Авроры», в первые дни марта на собраниях либо подтверждались полномочия судовых делегатов, либо проводились их выборы в комитеты. Первый вариант касался

тех экипажей, которые создали свои органы самоуправления в начале революционных выступлений. Такие общие собрания прошли во второй половине дня 4 марта на линейных кораблях и крейсере «Диана» в Гельсингфорсе[53]. Второй вариант был характерен для кораблей, где комитеты избраны не были. Такие общие собрания зафиксированы на «Заре Свободы», «Кречете», «Баяне», «Богатыре».

В дальнейшем именно на них проводили выборы всех уровней, как это было, например, на дредноутах 17–19 апреля. На этот период пришлась смена делегатов одновременно в судовых, бригадных и береговых представительствах. Поэтому 17 апреля на «Полтаве» в первую половину дня, а 18-го на «Гангуте», «Севастополе» и «Петропавловске» в течение всего дня на собраниях команд обсуждались вопросы выборов[54]. Аналогичной была и причина организации подобных собраний на крейсерах «Россия» 25 марта и «Диана» 10 мая[55]. Благодаря принятию данного принципа с первых революционных месяцев стала явной связь комитетов и общих собраний.

Вторым важным вопросом, окончательное решение которого стало относиться к компетенции всего личного состава в марте–июне 1917 г., было увольнение с корабля. Решение санкционировалось и доводилось до сведения командования комитетом. Именно так был уволен ряд офицеров. Так, на линейном корабле «Полтава» 4 марта на собрании команда через представителя судового комитета требовала списания тех офицеров, что в ночь с 3 на 4 марта отказались подчиниться экипажу и сдать оружие, за что и были заперты в своих каютах. Командир «Полтавы» капитан I ранга С. В. Зарубаев 13 марта обратился в штаб флота: «Ходатайствую о скорейшем списании старшего офицера вверенного мне корабля капитана II ранга В. В. Котовского, лейтенанта К. И. Юдина, мичманов В. М. Карякина и Г. А. Тевяшева с зачислением их в резерв флота, как арестованных по желанию команды в ночь с 3 на 4 марта»[56]. 9 марта в Гельсингфорсский совет поступило заявление командира миноносца «Сильный» старшего лейтенанта С. Билибина о сложении с себя полномочий из-за «обострений отношений с командой». Обострение также произошло после проведения общего собрания[57]. Схожим образом в рассматриваемый период действовали и экипажи «Андрея Первозванного», «Гангута» и эскадренного миноносца «Автроил»[58].

Аналогичные действия предпринимались и в отношении представителей унтер-офицерского и рядового состава. Так, «под особый надзор по желанию общего собрания команды» во 2-й Балтийский флотский экипаж были отправлены с «Гангута» строевые боцманматы Е. Холюченков, А. Мясников, П. Дупелев и матрос I статьи М. Безрукавников[59]. Команда миноносца «Инженер-механик Зверев» в начале мая за кражу постановила лишить унтер-офицера II статьи И. Киселёва его звания и списать[60].

Общие собрания с марта стали выражать реакцию команд на имевшие место на кораблях политические мероприятия. Это было связано с тем положением, в которое ставили судовые комитеты органы революционной власти. 21 марта на собрании Петроградского совета с делегатами от комитетов было принято решение, что «высшим и руководительным органом Петроградского гарнизона» признавался Совет, а все комитеты считались его представителями на местах. Выборные организации должны были решать исключительно вопросы «внутреннего устройства». Все политические вопросы могли обсуждаться на местах, но решались только Советом[61]. Аналогичное постановление принял исполком Гельсингфорсского совета 12 апреля: «Исполнительный Комитет считает крайне нежелательным одиночное выступление комитетов каких-либо частей войск <...> помимо Совета Депутатов и Исполнительного Комитета»[62].

В Ревеле ярким поводом для обсуждения политических событий стал визит 17 мая делегации Черноморского флота. Вокруг организации митинга черноморцев произошел конфликт между председателями Местного флотского комитета мичманом А. А. Коптеловым и Матросского клуба «Объединение» матросом В. Шушарой. Высказываясь в защиту одного из них, общие собрания выражали свое отношение к черноморцам и их призывам продолжать войну. Так, в поддержку высказались общие собрания экипажей крейсеров «Рюрик» и «Олег», их оппонентами выступили команды миноносцев «Орфей» и «Забияка»[63].

С начала лета 1917 г. среди нижних чинов стало проявляться стремление оказать влияние на комитеты. Важным поводом для конфликтов между общими собраниями и комитетами становился принцип выборности командного состава, считавшийся одним из важнейших революционных завоеваний. Однако 11 мая военный и морской министр А. Ф. Керенский, пытаясь упорядочить правовое положение основных групп военнослужащих и внедрить «принципы демократии в военное и военно-морское судоустройство и судопроизводство», подписал «Приказ о введении положений об основных правах военнослужащих», более известный как «Декларация прав солдата»[64]. Пункт 18 «Декларации» предоставлял исключительные права назначения офицеров вышестоящему командованию. В Петрограде прошла волна митингов, солдаты выносили резолюции, предложенные большевиками, с критикой А. Ф. Керенского[65]. Этот вопрос воспринимался как принципиальный и представителями леворадикальных политических сил в органах революционной власти и в Гельсингфорсе. Не случайно обсуждение «Декларации» прошло в Гельсингфорсском совете весьма драматично, большевистская фракция безуспешно пыталась добиться осуждения его Советом[66].

Непосредственным поводом для конфликта на флоте стал вопрос о смене командующего Балтийским флотом. 1 июня 1917 г. А. Ф. Керенский приказом назначил вице-адмирала А. С. Максимова начальником морского отдела Ставки верховного командования. Новым командующим назначался контр-адмирал Д. Н. Вердеревский, незадолго до этого ставший начальником 1-й бригады линейных кораблей. На флагманском «Петропавловске» этот приказ был получен вечером 1 июня[67]. От радистов он стал известен экипажу. Этот вопрос

был вынесен на рассмотрение общего собрания команды. Учитывая практику обсуждения вопросов о личном составе, нельзя, на первый взгляд, признать этот вопрос чем-то принципиально новым. До этого момента экипажи не позволяли себе обращаться к вопросу о назначениях или увольнениях представителей командного состава, да еще такого ранга. В то же время резолюция общего собрания, требовавшего вернуть власть «нашему революционному адмиралу Максимову», оказалась единственной. Команды кораблей, стоявших в Гельсингфорсе, не сочувствовали заявлениям экипажа «Петропавловска». 3 июня на общих собраниях команд «Севастополя», «Полтавы» и «Гангута» принимались резолюции, осуждавшие подобные заявления и действия как анархистские и «вносящие разлад в боевую деятельность флота»[68]. В то же время комитет 1-й бригады линейных кораблей, куда входили и представители судового комитета «Петропавловска», заверяли Д. Н. Вердеревского, что от подчинения ему команды дредноутов не отказываются[69]. Только к вечеру 4 июня, после зачитывания телеграммы А. Ф. Керенского с призывом к повиновению и письменного отказа А. С. Максимова от должности, общее собрание постановило выразить доверие Д. Н. Вердеревскому.

При этом Центральный комитет Балтийского флота, претендовавший на верховенство в решении самых разных вопросов, прошел мимо этой проблемы. Это могло объясняться как тем, что ЦКБФ еще переживал период своего становления, так и тем, что его депутаты занимались в этот период обсуждением своего устава и подготовкой созыва I съезда моряков Балтики. 2–4 июня, когда события касались всего флота, основная часть которого поддержала назначение командующего, да и А. С. Максимов согласился со своим переводом, Центробалт ограничился пожеланием Д. Н. Вердеревскому «идти по стопам своего предшественника»[70].

Данная вспышка, однако, оказалась только началом. Ситуация с назначением Д. Н. Вердеревского породила борьбу вокруг принципа выборности командного состава, в которой позиции общих собраний и комитетов не всегда совпадали. 1-я бригада линейных кораблей с назначением нового командующего флотом осталась без начальника. Вердеревский после переговоров с бригадным и судовыми комитетами намеревался передать эту должность командиру линейного корабля «Полтава» капитану I ранга С. В. Зарубаеву. Однако общие собрания экипажей линкоров неожиданно для командования потребовали проведения выборов через выдвижение кандидатов от каждого корабля. Это было тем более удивительно, что несколькими днями раньше ни один из дредноутов не поддержал команду «Петропавловска» в его выступлении за А. С. Максимова, т.е. как раз за выборного командующего. Возможно, причиной стало проведение общих собраний, на которых выступали и радикально настроенные члены Центробалта. На эту мысль наводит прежде всего обращение бригадного комитета. В нем сообщалось, что он действует «в согласии с Центральным комитетом Балтийского флота»[71].

Можно назвать имена некоторых членов ЦКБФ, действовавших в этом направлении. Поддержал принцип выборности депутат-большевик от 1-й бригады линкоров А. С. Штарёв, что спровоцировало конфликт со штабом флота. На заседании Центробалта 6 июня он отказался от должности комиссара ЦКБФ при штабе и был заменен на более умеренного С. С. Магницкого[72]. Также 21 июня во время переговоров Д. Н. Вердеревского с представителями ЦКБФ командующий прямо обвинил в дестабилизации ситуации на «Петропавловске» другого лидера большевиков Гельсингфорса П. Е. Дыбенко, заявив, что тот «ведет на “Петропавловске” свою игру»[73].

Поскольку на основании решений общих собраний в качестве единственного кандидата был выдвинут также С. В. Зарубаев, эта процедура выглядела чисто политическим демаршем. 15 июня командующий флотом отправил телеграмму военному и морскому министру, сообщив, что, «если комитет сочтет нужным предпринять шаги к утверждению своего решения на деле <...> я за последствия по обороноспособности отвечать не могу и прошу разрешения передать командование старшему по себе»[74]. А. Ф. Керенский ответил радиограммой в бригадный комитет, призвав его к подчинению правительству. Аналогичная радиограмма пришла от Всероссийского съезда Советов. Выборы начальника бригады были отменены, а судовые и бригадный комитеты ограничились одобрением решения контр-адмирала Д. Н. Вердеревского[75].

Демонстрации, прошедшие 18 июня под антивоенными лозунгами, привели к новым конфликтам, наиболее острым в Гельсингфорсе. 20 июня общее собрание команды линкора «Слава» потребовало от председателя судового комитета машинного унтер-офицера А. Е. Тунгускова довести до сведения командования протест против планов переброски корабля в Рижский залив. Рядовой состав мотивировал свое решение длительной службой «Славы» в 1915–1916 гг. на передовой, а также возможностью отправить туда «собратьев» по бригаде — «Андрея Первозванного» или «Республику»[76].

На «Петропавловске» 21 июня прошел митинг о «проведении в жизнь решений 18 июня». На нем присутствовало около 400 чел. команды. В резолюции, оформленной как решение общего собрания, было зафиксировано требование: «Убрать в 24 часа 10 министров-капиталистов, в противном случае идти вместе с другими кораблями бомбардировать Петроград»[77].

Оба случая стали предметом внимания собрания, куда вошли командующий флотом Д. Н. Вердеревский, офицеры его штаба, комиссар Временного правительства Ф. М. Онипко и делегаты Центробалта. Показательно, что из 9 представителей ЦКБФ пятеро представляли более умеренную группу депутатов от кораблей и соединений Ревеля, поддерживавших Вердеревского. Благодаря этому на совещаниях и были приняты решения о совместных действиях. На «Петропавловск» отправилась делегация ЦКБФ. Ей удалось убедить экипаж снять требования. Около 17 ч. делегаты прибыли в штаб

с извещением, что «“Петропавловск” не отказывается от оперативного подчинения командующему и снимает свою резолюцию»[78].

Вечером представители Центробалта посетили также «Славу», что несколько успокоило страсти и там. Однако окончательно вопрос об оперативном подчинении «славцев» был решен 23 июня, после заседания ЦКБФ, где были заслушаны представители судовых комитетов, выступавшие за безусловное подчинение командованию, и экипажа, требовавшие «справедливого распределения» боевой нагрузки. Центробалт нашел, что этот вопрос является оперативным, а значит, в его компетенцию не входит[79].

Комитеты на кораблях Балтийского флота сыграли в марте–июне 1917 г. немаловажную роль в организации различных сторон жизни военнослужащих. Они могли претендовать на статус новой, альтернативной революционной власти, но позже политика была выведена из компетенции выборных матросских организаций, центр которой был перенесен в органы революционной власти — Советы. Это позволило А. К. Уайлдману считать, что «комитеты стали ответвлением “демократической власти” в Петрограде, вместо того чтобы быть представительным органом и голосом “революционных масс” на местах»[80]. Этот вывод нуждается в уточнении. Судовые комитеты кораблей Балтийского флота изначально сосредоточили внимание на решении хозяйственных, а не политических вопросов. Благодаря эффективной деятельности им удалось завоевать авторитет нижних чинов и с большим успехом оказывать влияние на события.

В то же время существовал механизм обратной связи между комитетами и их избирателями. Экипажи могли влиять на принятие решений с помощью общих собраний. Не будучи официально оформлены, общие собрания тем не менее играли важнейшую роль во внутренней жизни воинских частей. Наиболее отчетливо значимость коллективного принятия решений проявилась в конце мая — июне 1917 г., т.е. в тот период, когда между комитетами и общими собраниями стали возникать разногласия. В ряде случаев выборные организации не могли рассчитывать на выполнение своих распоряжений без одобрения нижних чинов или были вынуждены прибегать к вышестоящим органам революционной власти.

Благодаря общим собраниям обсуждение политических вопросов вызывало острую борьбу вокруг проблем революции. Опираясь на комитеты, умеренные социалисты из Советов пытались проводить свой курс. Но удерживать ситуацию под контролем советскому руководству становилось всё сложнее. Комитеты испытывали двойное давление: со стороны новых властей, требующих выполнения распоряжений, и со стороны нижних чинов, часто сопротивлявшихся проведению в жизнь непопулярных решений.

Используя общие собрания, активисты старались взвинтить страсти и консолидировать протестные выступления. Часто в этой роли выступали представители леворадикальных партий. Они стремились направить недовольство солдат и матросов в русло борьбы с Временным правительством и «соглашательскими» тенденциями в руководстве Советов. Они смогли добиться определенных успехов на Балтике в период июня — начала июля 1917 г. В то же время это усилило роль общих собраний в жизни воинских частей и степень их влияния на комитеты.

---

2 *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 655.

3 *Граф Г. К.* На «Новике». 2-е изд. СПб., 1996. С. 310–311; *Петров М.*[*А.*] Балтийский флот в октябре 1917 года // Пять лет Красного Флота. 1917–1922. Пг., 1922. С. 25–26.

4 *Станкевич В. Б.* Воспоминания. 1914–1919 г. Берлин, 1920. С. 145–146; *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. СПб., 1994. С. 352–353; *Войтинский В. С.* 1917-й. Год побед и поражений. М., 1999. С. 196–198.

5 История Гражданской войны в СССР. Т. 1 / Под ред. М. Горького, В. Молотова, К. Ворошилова, С. Кирова, А. Жданова, А. Бубнова, Я. Гамарника, И. Сталина. М., 1935. С. 79, 255.

6 *Сивков П. З.* Моряки Балтийского флота в борьбе за власть Советов. М., 1946; *Богданов А. В.* Моряки-балтийцы в 1917 году. М., 1955; *Ерыкалов Е. Ф. и др.* В огне революции. Военно-боевая работа большевистской партии в 1917 г. М., 1961; *Голуб П. А.* Партия, армия и революция. Отвоевание партией большевиков армии на сторону революции, март 1917 — февраль 1918. М., 1967; *Столяренко М. А.* Сыны партии — балтийцы. Л., 1969.

7 *Миллер В. И.* Солдатские комитеты русской армии в 1917 году (возникновение и начальный период деятельности). М., 1974.

8 *Wildman A. K.* 1) The End of the Russian Imperial Army. Vol. 1: The Old Army and the Soldiers’ Revolt (March–April, 1917). Princeton, 1980; 2) The End of the Russian Imperial Army. Vol. 2: The Road to Soviet Power and Peace. Princeton, 1987.

9 *Saul N.* Sailors in Revolt. The Russian Baltic Fleet in 1917. Lawrence, Kansas, 1978.

10 *Назаренко К. Б.* Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М., 2011; *Базанов С. Н.* Великая война: Как погибала русская армия. М., 2014; *Гребенкин И. Н.* Долг и выбор: Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М., 2015; *Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г.* Война, породившая революцию. Россия, 1914–1917 гг. М., 2015; *Назаренко К. Б.* Балтийский флот в революции. 1917–1918 гг. М.; СПб., 2017.

11 *Тарасов К. А.* Солдатский большевизм. Военная организация большевиков и леворадикальное движение в Петроградском гарнизоне (февраль 1917 г. — март 1918 г.). СПб., 2017.

12 Российский государственный архив военно-морского флота (далее — РГАВМФ). Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 330. Л. 1.

13 См., напр.: *Иванов Д. И.* Я — матрос «Гангута»! М., 1987. С. 77–78; *Граф Г. К.* На «Новике». С. 310–311; *Мальков П. Д.* Записки коменданта московского Кремля. М., 1987. С. 8.

14 РГАВМФ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 771. Л. 18.

15 Там же. Л. 3 об; Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 40.

16 *Иванов Д. И.* Я — матрос «Гангута»! С. 78.

17 РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 42 об.

18 *Шурыгин Ф. А.* Революционное движение солдатских масс Северного фронта в 1917 году. М., 1958. С. 26.

19 *Базанов С. Н.* В борьбе за Октябрь на Северном фронте. 5-я армия. М., 1985. С. 20–21.

20 Революционное движение в России после свержения самодержавия: Сб. документов и материалов / Под ред. Л. С. Гапоненко. М., 1957. С. 607–609.

21 *Шурыгин Ф. А.* Революционное движение солдатских масс Северного фронта в 1917 году. С. 27.

22 *Дубровская Е. Ю.* Революционная радикализация российских военных в Финляндии и национальные устремления финляндцев в 1917 г. // Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память: Материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 11–12 мая 2017 г. СПб., 2017. С. 121.

23 РГАВМФ. Ф. Р-247. Оп. 1. Д. 41. Л. 1.

24 *Гордеев П. Н.* Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте–октябре 1917 года. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. С. 122–123.

[25] Цит. по: Там же. С. 145.
[26] РГАВМФ. Ф. 554. Оп. 1. Д. 127. Л. 1.
[27] Там же. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 2. Л. 3; *Николаев А. Б.* Думские комиссары в русской армии (февраль–март 1917 года) // Новый Часовой. 1996. № 4. С. 72–83.
[28] РГАВМФ. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 5. Л. 68.
[29] Там же. Ф. Р-596. Оп. 1. Д. 78. Л. 1 об; Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 1. Л. 55; Ф. Р-212. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; *Тимирёв С. Н.* Воспоминания морского офицера. СПб., 1998. С. 77.
[30] РГАВМФ. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 5. Л. 68.
[31] Там же. Ф. 556. Оп. 1. Д. 148. Л. 1.
[32] Там же. Д. 149. Л. 1 — 1 об.
[33] Там же. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 102. Л. 5–9.
[34] Протокол № 12 заседания Исполкома Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта от 18 марта // Известия Гельсингфорсского Совета армии, флота и рабочих (далее — Известия Гельсингфорсского совета). 1917. 24 марта.
[35] РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 106. Л. 1.
[36] Там же. Ф. 556. Оп. 1. Д. 149. Л. 2 об.
[37] Там же. Ф. Р-596. Оп. 1. Д. 78. Л. 14; Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.
[38] Там же. Ф. 554. Оп. 1. Д. 127. Л. 22.
[39] Там же. Ф. 479. Оп. 2. Д. 1050. Л. 681–682.
[40] Там же. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 102. Л. 7–8.
[41] Там же. Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 335. Л. 12.
[42] Там же. Ф. 554. Оп. 1. Д. 127. Л. 3–4.
[43] Там же. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 106. Л. 1, 3; Ф. 728. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.
[44] Подробнее см.: *Бажанов Д. А.* Снабжение экипажей кораблей Гельсингфорсской военно-морской базы в марте–мае 1917 г.: повседневность и политика // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов. СПб., 2014. С. 146–154.
[45] РГАВМФ. Ф. 554. Оп. 1. Д. 127. Л. 14 об; Ф. 556. Оп. 1. Д. 149. Л. 3 об; Ф. 751. Оп. 1. Д. 94. Л. 473; Ф. Р-596. Оп. 1. Д. 78. Л. 5 об.
[46] Протокол № 17 заседания Исполнительного Комитета Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта от 23 марта // Известия Гельсингфорсского совета. 1917. 30 марта.
[47] РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 102. Л. 6.
[48] Подробнее см.: *Дубровская Е. Ю.* Гельсингфорсский Совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 году (март–октябрь). Петрозаводск, 1992. С. 54–55.
[49] РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 3. Д. 970; См. также: *Бажанов Д. А.* Создание Временного военно-морского суда в Гельсингфорсе в 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2017. С. 185–193.
[50] РГАВМФ. Ф. Р-1481. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.
[51] Там же. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 5. Л. 4–6; Подробнее см.: *Королев С. А.* Деятельность следственной комиссии Центрального комитета Балтийского флота (май–август 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2017. С. 193–197.
[52] См., напр.: Войсковые комитеты действующей армии: март 1917 г. — март 1918 г. М., 1982. С. 78–86.
[53] РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 15. Л. 225; Д. 9. Л. 223; Д. 1. Л. 22; *Мальков П. Д.* Записки коменданта Кремля. С. 14.
[54] РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 2. Л. 20 об; Д. 11. Л. 15 об. — 16; Д. 14. Л. 22 об; Д. 16. Л. 20 об.
[55] Там же. Ф. 555. Оп. 1. Д. 273. Л. 39; Ф. 566. Оп. 1. Д. 65. Л. 40.
[56] Там же. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1018. Л. 174.
[57] Протокол № 4 общего собрания Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта от 9 марта // Известия Гельсингфорсского совета. 1917. 11 марта.
[58] РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 245. Л. 12–16, 19а.
[59] Там же. Ф. 902. Оп. 1. Д. 168. Л. 42 об., 46 об.; Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 245. Л. 18; Ф. 747. Оп. 1. Д. 37. Л. 82; Ф. 878. Оп. 1. Д. 141. Л. 25–27.

[60] Там же. Ф. 870. Оп. 6. Д. 52. Л. 39 об; Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 245. Л. 7а.
[61] Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 6. Л. 40; Революционное движение в военных округах. М., 1988. С. 41.
[62] Протокол № 24 заседания Исполнительного комитета Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта от 12 апреля // Известия Гельсингфорсского Совета. 1917. 20 апреля.
[63] Резолюция, принятая на общем собрании команды крейсера «Рюрик» 18 мая 1917 года // Свободное слово солдата и матроса. 1917. 25 мая; Резолюция крейсера «Олег» 20 мая 1917 г. // Там же; Резолюция общего собрания эскадренных миноносцев «Орфей» и «Забияка» 28 мая 1917 г. // Там же. 31 мая.
[64] См. подробнее: *Гальперина Б. Д.* Февральская революция и права солдат. Опыт источниковедческого исследования // Вопросы истории. 2000. № 10. С. 55–71; *Тютюкин С. В.* Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917). М., 2012. С. 169; *Николаев А. Б.* Александр Федорович Керенский в 1917 году: краткая биография политика // А. Ф. Керенский: pro et contra: Антология / Сост. А. Б. Николаев. СПб., 2016. С. 77.
[65] См. подробнее: *Тарасов К. А.* Дискуссия о «Декларации прав солдата» в Петроградском гарнизоне в 1917 г. // Петербургский исторический журнал. 2015. № 4. С. 145–154; *Колоницкий Б. И.* «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март–июнь 1917 года). М., 2017. С. 289–305.
[66] Протокол № 12 общего собрания Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта от 18 мая // Известия Гельсингфорсского совета. 1917. 27 мая.
[67] РГАВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 154. Л. 9.
[68] Там же. Ф. 479. Оп. 1. Д. 879. Л. 8; Ф. 878. Оп. 1. Д. 148. Л. 110.
[69] Там же. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 96.
[70] Цит. по: *Измайлов Н. Ф., Пухов А. С.* Центробалт. М., 1963. С. 57.
[71] РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 880. Л. 1.
[72] Там же. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 234. Л. 52.
[73] Там же. Л. 3 об.
[74] Там же. Ф. 479. Оп. 1. Д. 880. Л. 1.
[75] Там же. Л. 2–3.
[76] Там же. Л. 4.
[77] Там же. Л. 3–5.
[78] Там же. Л. 6.
[79] Там же. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 4. Л. 28–29.
[80] *Уайлдман А. К.* Армия и вопрос о законности власти в России // Отечественная история. 1994. № 2. С. 23; См. также: *Wildman A. K.* The End of the Russian Imperial Army. Vol. 2. P. 288–289.

References

BAZANOV S. N. *V bor'be za Oktyabr' na Severnom fronte. 5-ya armiya* [In the struggle for October on the Northern Front. 5th Army. In Russ.]. Moscow, 1985.

BAZANOV S. N. *Velikaya voyna: Kak pogibala russkaya armiya* [The Great War: How the Russian army perished. In Russ.]. Moscow, 2014.

BAZHANOV D. A. *Snabzheniye ekipazhey korabley Gel'singforsskoy voyenno-morskoy bazy v marte–maye 1917 g.: povsednevnost' i politika* // Revolyutsiya 1917 goda v Rossii: novyye podkhody i vzglyady [Supplying the crews of the ships of the Helsingfors naval base in March–May 1917: everyday life and politics // The Revolution of 1917 in Russia: New approaches and views. In Russ.]. St Petersburg, 2014. S. 146–154.

BAZHANOV D. A. *Sozdaniye Vremennogo voyenno-morskogo suda v Gel'singforse v 1917 g.* // Revolyutsiya 1917 goda v Rossii: novyye podkhody i vzglyady [Establishment of the Provisional Naval Court in

Helsingfors in 1917 // Revolution of 1917 in Russia: New approaches and views. In Russ.]. St Petersburg, 2017. S. 185–193.

BOGDANOV A. V. *Moryaki-baltiytsy v 1917 godu* [Sailors from Baltic in 1917. In Russ.]. Moscow, 1955.

BULDAKOV V. P., LEONT'YEVA T. G. *Voyna, porodivshaya revolyutsiyu. Rossiya, 1914–1917 gg.* [The war that gave rise to the revolution. Russia, 1914–1917. In Russ.]. Moscow, 2015.

DUBROVSKAYA Ye. Yu. *Gel'singforsskiy Sovet deputatov armii, flota i rabochikh v 1917 godu (mart–oktyabr')* [Helsingfors Council of Deputies of the Army, Navy and Workers in 1917 (March–October). In Russ.]. Petrozavodsk, 1992.

DUBROVSKAYA Ye. Yu. *Revolyutsionnaya radikalizatsiya rossiyskikh voyennykh v Finlyandii i natsional'nyye ustremleniya finlyandtsev v 1917 g.* // Revolyutsiya 1917 goda v Rossii: sobytiya i kontseptsii, posledstviya i pamyat': Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 11–12 maya 2017 g. [Revolutionary radicalization of the Russian military in Finland and the national aspirations of the Finns in 1917 // Revolution of 1917 in Russia: events and concepts, consequences and memory: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, St Petersburg, May 11–12, 2017. In Russ.]. St Petersburg, 2017. S. 118–124.

GAL'PERINA B. D. *Fevral'skaya revolutsia i prava sopldat. Opyt istochnikovedcheskogo issledovanya* [The February revolution and the rights of the soldiers. The experience of the historical research. In Russ.] // Voprosy istorii. 2000. N 10. S. 55–71.

GOLUB P. A. *Partiya, armiya i revolyutsiya. Otvoyevaniye partiyey bol'shevikov armii na storonu revolyutsii, mart 1917 — fevral' 1918* [Party, army and revolution. The reconquest of the army by the Bolshevik Party to the side of the revolution, March 1917 — February 1918. In Russ.]. Moscow, 1967.

GORDEYEV P. N. *Kronshtadtskiy Sovet rabochikh i soldatskikh deputatov v marte–oktyabre 1917 goda* [The Kronstadt Soviet of Workers and Soldiers Deputies in March–October 1917. In Russ.]. Dis. ... kand. ist. nauk. St Petersburg, 2007.

GRAF G. K. *Na "Novike"* [On the "Novik". In Russ.]. St Petersburg, 1996.

GREBENKIN I. N. *Dolg i vybor: Russkiy ofitser v gody mirovoy voyny i revolyutsii* [Duty and choice: Russian officer in the years of World War and Revolution. In Russ.]. 1914–1918 gg. Moscow, 2015.

Istoriya Grazhdanskoy voyny v SSSR [History of the Civil War in the USSR. In Russ.]. T. 1. Moscow, 1935.

IVANOV D. I. *Ya — matros "Ganguta"!* [I am a sailor of the "Gangut"! In Russ.]. Moscow, 1987.

IZMAILOV N. F., PUKHOV A. S. *Tcentrobalt* [Tcentrobalt. In Russ.] Moscow, 1963.

KOLONITSKIY B. I. *"Tovarishch Kerenskiy": antimonarkhicheskaya revolyutsiya i formirovaniye kul'ta "vozhdya naroda" (mart–iyun' 1917 goda)* ["Comrade Kerensky": an anti-monarchist revolution and the formation of the cult of the "leader of the people" (March–June 1917). In Russ.]. Moscow, 2017.

KOROLEV S. A. *Deyatel'nost' sledstvennoy komissii Tsentral'nogo komiteta Baltiyskogo flota (may–avgust 1917 g.)* // Revolyutsiya 1917 goda v Rossii: novyye podkhody i vzglyady [Activities of the investigative commission of the Central Committee of the Baltic Fleet (May–August 1917) // Revolution of 1917 in Russia: new approaches and views. In Russ.]. St Petersburg, 2017. S. 193–197.

MAL'KOV P. D. *Zapiski komendanta moskovskogo Kremlya* [Notes commandant of the Moscow Kremlin. In Russ.]. Moscow, 1987.

MILLER V. I. *Soldatskiye komitety russkoy armii v 1917 godu (vozniknoveniye i nachal'nyy period deyatel'nosti)* [Soldiers' committees of the Russian army in 1917 (the appearance and the initial period of activity). In Russ.]. Moscow, 1974.

MILLER V. I. *Soldatskiye organizatsii 1917 goda. K voprosu o soderzhanii ponyatiya* // Obshchestvennyye organizatsii v politicheskoy sisteme Rossii 1917–1918 godov [Soldiers' organizations of 1917. On the content of the concept // Public organizations in the political system of Russia in 1917–1918. In Russ.]. Moscow, 1991. S. 141–143.

NAZARENKO K. B. *Baltiiskiy Flot v revolyutsiyi, 1917–1918*. [The Baltic Fleet in the revolution. 1917–1918]. Moscow; Saint Petersburg, 2017.

NAZARENKO K. B. *Flot, revolyutsiya i vlast' v Rossii* [Fleet, revolution and power in Russia. In Russ.]: 1917–1921. Moscow, 2011.

NIKOLAYEV A. B. *Alexandr Feodorovich Kerenskiy v 1917 godu: kratkaya biographia politika // A. F. Kerenskiy: pro et contra, antologia*. [Alexander Feodorovich Kerenskiy in 1917: the short biography of the politician // A. F. Kerenskiy: pro et contra, anthology. In Russ.]. Saint Petersburg, 2016. S. 7–92.

NIKOLAYEV A. B. *Dumskiye komissary v russkoy armii (fevral'–mart 1917 goda)* [Duma commissioners in the Russian army (February–March 1917). In Russ.] // Novyy Chasovoy. 1996. N 4. S. 72–83.

PETROV M. [A.] *Baltiyskiy flot v oktyabre 1917 goda* // Pyat' let Krasnogo Flota [Baltic Fleet in October 1917 // Five Years of the Red Fleet]. 1917–1922. Petrograd, 1922. S. 25–37.

Revolyutsionnoye dvizheniye v Rossii posle sverzheniya samoderzhaviya [Revolutionary movement in after the overthrow of the autocracy]. Moscow, 1957.

SHURYGIN F. A. *Revolyutsionnoye dvizheniye soldatskikh mass Severnogo fronta v 1917 godu* [Revolutionary movement of the soldiers of the Northern Front in 1917]. Moscow, 1958.

SIVKOV P. Z. *Moryaki Baltiyskogo flota v bor'be za vlast' Sovetov* [Sailors of the Baltic Fleet in the struggle for the power of the Soviets. In Russ.]. Moscow, 1946.

STANKEVICH V. B. *Vospominaniya* [Memories. In Russ.]. 1914–1919 g. Berlin, 1920.

STEPUN F. *Byvsheye i nesbyvsheyesya* [The former and unfulfilled. In Russ.]. St Petersburg, 1994.

STOLYARENKO M. A. *Syny partii — baltiytsy* [The sons of the party Baltics. In Russ.]. Leningrad, 1969.

TARASOV K. A. *Diskussia o "Declaratsii prav soldata" v Petrogradskom garnisone v 1917 godu*. [The discussion about "The soldiers' rights declaration" in Petrograd garrison in 1917. In Russ.]. Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal. 2015. N 4. S. 145–154.

TARASOV K. A. *Soldatskiy bol'shevizm. Voyennaya organizatsiya bol'shevikov i levoradikal'noye dvizheniye v Petrogradskom garnizone (fevral' 1917 g. — mart 1918 g.)* [Soldiers' Bolshevism. Military organization of the Bolsheviks and left-radical movement in the Petrograd garrison (February 1917 — March 1918). In Russ.]. St Petersburg, 2017.

TIMIROV S. N. *Vospominaniya morskogo ofitsera* [Memories of a naval officer]. St Petersburg, 1998.

TJUTJUKIN S. V. *Alexandr Kerenskiy. Stranitsy politicheskoy biographii (1905–1917)*. [Alexander Kerenskiy. The pages of the political biography (1905–1917). In Russ.]. Moscow, 2012.

UAYLDMAN A. K. *Armiya i vopros o zakonnosti vlasti v Rossii* [Army and the question of the legitimacy of power in Russia. In Russ.] // Otechestvennaya istoriya. 1994. N 2. S. 19–30.

VEBER M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works. In Russ.]. Moscow, 1990.

VOYTINSKIY V. S. *1917-y. God pobed i porazheniy* [1917. Year of victories and defeats. In Russ.]. Moscow, 1999.

YERYKALOV Ye. F. etc. *V ogne revolyutsii. Voyenno-boyevaya rabota bol'shevistskoy partii v 1917 g.* [In the flames of the revolution. Military-combat work of the Bolshevik Party in 1917. In Russ.]. Moscow, 1961.

Список литературы

Бажанов Д. А. Снабжение экипажей кораблей Гельсингфорсской военно-морской базы в марте–мае 1917 г.: повседневность и политика // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: Сб. научн. ст. / Ред. колл.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов. СПб., 2014. С. 146–154.

Бажанов Д. А. Создание Временного военно-морского суда в Гельсингфорсе в 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: А. Б. Николаев (отв. ред. и сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов. СПб., 2017. С. 185–193.

Базанов С. Н. В борьбе за Октябрь на Северном фронте. 5-я армия. М., 1985.

Базанов С. Н. Великая война: Как погибала русская армия. М., 2014.

Богданов А. В. Моряки-балтийцы в 1917 году. М., 1955.

Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию. Россия, 1914–1917 гг. М., 2015.

Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

Войтинский В. С. 1917-й. Год побед и поражений. М., 1999.

Гальперина Б. Д. Февральская революция и права солдат. Опыт источниковедческого исследования // Вопросы истории. 2000. № 10. С. 55–71.

Голуб П. А. Партия, армия и революция. Отвоевание партией большевиков армии на сторону революции, март 1917 — февраль 1918. М., 1967.

Гордеев П. Н. Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте–октябре 1917 года. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007.

Граф Г. К. На «Новике». 2-е изд. СПб., 1996.

Гребенкин И. Н. Долг и выбор: Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М., 2015.

Дубровская Е. Ю. Гельсингфорсский Совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 году (март–октябрь). Петрозаводск, 1992.

Дубровская Е. Ю. Революционная радикализация российских военных в Финляндии и национальные устремления финляндцев в 1917 г. // Революция 1917 года в России: события и концепции,

последствия и память: Материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 11–12 мая 2017 г. СПб., 2017. С. 118–124.

Ерыкалов Е. Ф. и др. В огне революции. Военно-боевая работа большевистской партии в 1917 г. М., 1961.

Иванов Д. И. Я — матрос «Гангута»! М., 1987.

Измайлов Н. Ф., Пухов А. С. Центробалт. М., 1963.

История Гражданской войны в СССР. Т. 1 / Под ред. М. Горького и др. М., 1935.

Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март–июнь 1917 года). М., 2017.

Королев С. А. Деятельность следственной комиссии Центрального комитета Балтийского флота (май–август 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2017. С. 193–197.

Мальков П. Д. Записки коменданта московского Кремля. М., 1987.

Миллер В. И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 году (возникновение и начальный период деятельности). М., 1974.

Миллер В. И. Солдатские организации 1917 года. К вопросу о содержании понятия // Общественные организации в политической системе России 1917–1918 годов. Материалы конференции / Ред. П. В. Волобуев. М., 1991. С. 141–143.

Назаренко К. Б. Балтийский флот в революции. 1917–1918 гг. М.; СПб., 2017.

Назаренко К. Б. Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М., 2011.

Николаев А. Б. Александр Федорович Керенский в 1917 году: краткая биография политика // А. Ф. Керенский: pro et contra: Антология / Сост. А. Б. Николаев. СПб., 2016. С. 7–92.

Николаев А. Б. Думские комиссары в русской армии (февраль–март 1917 года) // Новый часовой. 1996. № 4. С. 72–83.

Петров М. [*А.*] Балтийский флот в октябре 1917 года // Пять лет Красного Флота. 1917–1922. Петроград, 1922. С. 25–37.

Революционное движение в России после свержения самодержавия: Сб. документов и материалов / Под ред. Л. С. Гапоненко. М., 1957.

Сивков П. З. Моряки Балтийского флота в борьбе за власть Советов. М., 1946.

Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919 г. Берлин, 1920.

Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. СПб., 1994.

Столяренко М. А. Сыны партии — балтийцы. Л., 1969.

Тарасов К. А. Дискуссия о «Декларации прав солдата» в Петроградском гарнизоне в 1917 г. // Петербургский исторический журнал. 2015. № 4. С. 145–154.

Тарасов К. А. Солдатский большевизм. Военная организация большевиков и леворадикальное движение в Петроградском гарнизоне (февраль 1917 г. — март 1918 г.). СПб., 2017.

Тимирёв С. Н. Воспоминания морского офицера. СПб., 1998.

Тютюкин С. В. Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917). М., 2012.

Уайлдман А. К. Армия и вопрос о законности власти в России // Отечественная история. 1994. № 2. С. 19–30.

Шурыгин Ф. А. Революционное движение солдатских масс Северного фронта в 1917 году. М., 1958.

Saul N. Sailors in Revolt. The Russian Baltic Fleet in 1917. Lawrence, Kansas, 1978.

Wildman A. K. The End if the Russian Imperial Army. Vol. 1: The Old Army and the Soldiers' Revolt (March–April, 1917). Princeton, 1980.

Wildman A. K. The End of the Russian Imperial Army. Vol. 2: The Road to Soviet Power and Peace. Princeton, 1987.

Д. А. Бажанов. Органы революционного самоуправления на кораблях Балтийского флота в марте–июне 1917 г.: создание, функции, взаимоотношения

Статья посвящена вопросу появления и функционирования самоуправления на флоте в России в период революции 1917 г. В условиях Февральской революции на флоте прошли выборы в представительные органы власти, которые приняли на себя обеспечение всей внутренней жизни воинских частей и команд кораблей. Уже в первые месяцы после свержения монархии политические вопросы были выведены из компетенции комитетов и переданы в ведение центральных революционных органов власти, в первую очередь в Советы. В связи с этим свое недовольство политикой матросы могли выражать с помощью общих собраний всего личного состава. Общие собрания становились альтернативной властью по отношению к комитетам, а в некоторых случаях пользовались даже большим авторитетом. Подобная ситуация дестабилизировала политическую систему, являлась причиной многочисленных конфликтов на флоте.

Ключевые слова: самоорганизация, революция 1917 г., Балтийский флот, судовые комитеты, общие собрания.

D. A. Bazhanov. Revolutionary self-organization at the ships of the Baltic Navy, March–June 1917: foundation, functions and interrelations

The article is devoted to the issue of the emergence and functioning of self-government in the Navy of Russia during the Revolution of 1917. In the conditions of the February Revolution, elections were held in the navy for representative bodies of power, which assumed the entire internal life of military units and crews of ships. In the first months after the overthrow of monarchy political issues were removed from the competence of the committees and transferred to the central revolutionary authorities, especially to the Soviets. Because of this situation sailors could express their dissatisfaction to the politics only with the help of all-staff meetings. Such meetings became an alternative power against committees. In some cases they enjoyed even greater authority. This situation destabilized the political system and caused numerous conflicts in the navy.

Key words: self-organization, Revolution of 1917, Baltic Fleet, ship committees, common assemblies.

Бажанов, Денис Александрович — к. и. н., доцент кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Bazhanov, Denis Aleksandrovich — Herzen State Pedagogical University of Russia, Associate Professor, Candidate of historical sciences (PhD).

E-mail: dbazhanov@herzen.spb.ru